

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ

«Круглый стол», инициированный редакцией журнала «Гуманитарий Юга России», посвящен анализу проблемы ценностей и смыслов европейской культуры. Эта тема достаточно часто появляется на страницах гуманитарных журналов, но, тем не менее, имеет в себе потенциал для дальнейшего обсуждения. Дискуссия открывается статьей академика М. К. Горшкова о российской идентичности в контексте западно-европейской культуры. Проблемы социокультурной идентичности обсуждаются в докладе профессора А. Л. Маршака. Далее в статьях профессора Г. В. Драча и протоиерея Андрея Мекушкина обсуждаются основания европейской культуры, античная традиция и христианство соответственно. Вопросам критики ценностей европейской культуры посвящено выступление профессора Т. П. Матяш. Специфика европейской культурной традиции в работах М. К. Петрова и Ю. А. Жданова обсуждается К. В. Воденко и Г. А. Матвеевым соответственно. Современные тенденции развития культуры в Европе и влияние на них ислама анализирует М. В. Биалалов. Профессор А. Ю. Шадже рассказывает о преломлении ценностей европейской цивилизации в кавказской культуре. Обсуждение выводится в практическую плоскость, когда показывается роль социокультурной традиции в развитии современной России.

Ключевые слова: культура, ценности, Европа, традиция, религия, общество.

М. К. ГОРШКОВ

*академик РАН,
директор Института социологии РАН
(г. Москва)*

e-mail: m_gorshkov@isras.ru

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНО- ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Особую актуальность специфика европейской культуры приобретает в контексте анализа российской идентичности. При этом, западную идентичность вполне уместно представить в виде некой коллективной мечты, которая существует в двух основных и невольно конкурирующих между собой вариантах – европейском и американском.

В основе американской идентичности – американская мечта. Она сводится к мечте об индивидуальном материальном успехе: любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя.

В свою очередь, мечта, воплотившаяся ныне в проекте Единой Европы, носит солидаристский характер и основана на модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой. Если американская мечта подчеркивает экономический рост, личное богатство и независимость, то европейская делает акцент на устойчивом развитии, качестве жизни и диалоге как средстве совместного решения общих проблем.

Европейские идеалы, безусловно, весьма привлекательны для многих наших сограждан. Однако и они не полностью совпадают с устремлениями и надеждами россиян. Прежде всего, это можно объяснить тем, что россияне, связывают свои надежды на лучшую жизнь, главным образом, с «соборным» государственным целеполаганием, ориентированным на общенародные задачи и цели. В подтверждение сошлемся на то, что около 60 % российских граждан соглашались с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных людей. Кроме того, в России довольно низок потенциал субсидиарности: так, по данным исследований последних лет, лишь

9 % респондентов ощущают чувство общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности.

Еще одно различие – это твердая приверженность россиян идее «органической» общности в рамках национального государства. Как показывают результаты исследований, жители России не слишком стремятся к межгосударственным объединениям, и если отдадут в этом вопросе кому-либо предпочтение, то только близким им по культуре странам СНГ (Беларуси, Украине и Казахстану). Не случайно они никогда не были расположены к насаждавшейся в свое время в Европе идеологии мультикультурализма, воспринимали ее как утопическую и наивную, мало согласующуюся с современными реалиями полиэтнического евразийского пространства.

Своеобразие российской идентичности во многом связано и с тем, что россияне – гораздо большие индивидуалисты, чем европейцы. Достаточно сослаться на то, что при ответе на вопрос, хотят ли они быть полезными для общества или предпочитают просто жить, как им хочется, мнения наших сограждан делятся почти поровну: 52 % против 47 % соответственно.

За годы реформ характер российского западничества несколько изменился. С одной стороны, значительная часть россиян воспринимает западные ценности в целом позитивно. Однако это не означает, что они безоговорочно поддерживают стремление к интеграции с западным миром. В сегодняшней России стремление к сближению с Западом, как и мечта об «общеевропейском доме», характерны для 10–15%-ного меньшинства. А реальное чувство общности с европейцами проявляет и вовсе малозначимая часть социально активного и трудоспособного населения страны – всего 3 %.

Охлаждение россиян к Европе обусловлено многими причинами. Это и подтверждаемое массовыми опросами растущее недоверие к политике отдельных европейских государств и Евросоюза в целом, и недостаточная интегрированность россиян в культурно-информационное поле Европы, и частичная психологическая несовместимость ряда базовых ментальных характеристик.

Сегодня психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни во все возрастающей степени определяет крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Однако индикаторы, характеризующие именно российскую идентичность в ее отношениях к Западу и Востоку, как это ни странно, сдвинулись в прямо противоположном направлении. Так, доля населения, считающего, что современная российская экономика приобрела «западные» черты увеличилась по сравнению с концом 1990-х гг. более чем в 2 раза (с 17 до 36 %).

Но если динамику оценок экономики можно объяснить рационально, то данные, касающиеся национального характера, оказываются достаточно неожиданными.

В самом деле, всего лишь десять лет назад более половины россиян видели себя, свои национальные особенности на приблизительно равном удалении от

американцев, англичан, французов, с одной стороны, и китайцев, индийцев, японцев с другой. А ныне – большая схожесть национального характера россиян, исходя из их самооценок, оказалась смещенной в сторону западноевропейского сообщества.

Возможно, единственным разумным объяснением данной тенденции является то, что в действительности, она сформировалась скорее не вопреки, а благодаря той переоценке Запада, которая произошла в российском обществе в первом десятилетии нынешнего столетия.

Определившись со своими целями и интересами, и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество, по сути, утратило психологическую потребность в резком выражении антизападнических настроений, имевших место в прежние годы. В результате многие оценки и самооценки стали более объективными, утратив эмоциональный накал, обычно присущий борьбе за самоутверждение. В такой ситуации психологически легче признать в себе какие-то «западные» черты без риска утратить собственную идентичность.

Следует учесть и тот факт, что Европа выступает в политическом мышлении российских граждан в двух ипостасях – «западной» и «собственно европейской». Из чего, в частности, вытекает, что недоверие к ней как Западу может уравновешиваться тяготением к ней именно как к Европе.

Вопрос об отношениях с Европой (и одновременно об отношении к Европе) имеет не только сугубо прагматический смысл, но и глубоко укоренен в проблематике российской идентичности. Чем это объясняется?

Ответ на данный вопрос во многом подсказывает анализ мнений российских граждан по поводу того, какими мотивами руководствуются развитые европейские государства в своих отношениях с Россией. В настоящее время лишь около четверти россиян придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в преодолении Россией накопившихся социально-экономических проблем. Еще меньшее их число (приблизительно один человек из пяти) соглашается с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. И, напротив, около половины россиян убеждены в совершенно обратном: Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема. А еще 2/3 уверены в том, что интерес Европы к России ограничивается исключительно природными ресурсами.

Что же касается факторов, сдерживающих взаимное сближение, то среди основных из них россияне называют следующие: стремление Евросоюза навязывать России свое понимание демократии, а также нарастание угрозы со стороны НАТО. Отмечается и нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставив под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом и др.

Что думают россияне по поводу перспективы интеграции России с Европой в лице Евросоюза? В начале 2000-х гг. количество «еврооптимистов»,

связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, заметно превышало количество не видевших в этом особого смысла «евроскептиков» в соотношении 42 % на 30 %. К настоящему периоду картина заметно изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляют около 50 %, в то время как доля еврооптимистов упала до 30 % россиян.

Означают ли приведенные данные, что россияне в большинстве своем являются откровенными противниками сближения России и Европы? Нет, не означают. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации, подобный процесс не вносит в российское общество нежелательной психологической напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных расколов. Образно выражаясь, осуществление разумной стратегии сближения с Европой не потребовало бы от россиян «переступить через самих себя». И это само по себе достаточно важно.

В конечном счете «европейский путь» может быть без особого внутреннего сопротивления (хотя и с определенными оговорками) принят всеми основными социально-демографическими группами и слоями российского населения. При том, однако, условии, что движение по данному пути не принесет россиянам очевидных и болезненных разочарований. А это уже зависит не только от России, но и от ее партнеров.

А. Л. МАРШАК

*доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
социологии РАН
(г. Москва)*

e-mail: marshak_al@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЦЕННОСТИ, СМЫСЛЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Многовековая история культуры России, страны, занимающей геополитические позиции между Европой и Азией, навсегда сделали актуальным вопрос: «Кто мы?» Этот вопрос в настоящее время приобрел особое значение в свете

поиска российской идентичности. Когда мы говорим об идентичности, то, прежде всего, ищем ответ в своем историческом прошлом и отечественной культуре.

Именно культура может показать сущность идентификационного развития, раскрыть все стороны аутентичности общества и личности. Культура является тем центром притяжения, вокруг которого объединяются институты общества, выстраиваются ценности и нравственные факторы поведения и жизнедеятельности. Культура отражает весь путь вхождения человека в систему социально-культурных отношений, делая его жизнь достойной и адекватной объективным изменениям и потребностям общественного развития.

Евразийское состояние российского менталитета требует определения приоритетов европейской и азиатской социокультурной традиции при определении идентичности россиян.

Оставляя за рамками нашего анализа длительную историю евроазиатского культурного влияния на становление российской идентичности, обратимся к современному состоянию нашей отечественной культуры и ее влиянию на формирование российской идентичности.

Многочисленные исследования, как авторские, так и коллег-социологов, свидетельствуют о том, что российское общество живет в условиях поликультуризма. В настоящее время отмечается наличие четырех ярко выраженных типов культуры, взаимодействующих между собой.

Наиболее ярко заявляет о себе в российской культуре слой так называемых «традиционалистов». Это приверженцы ностальгирующего по культуре советского периода слоя населения, который включает в себя представителей почти всех социально-демографических групп жителей России. Наличие данного, традиционалистского направления в российской культуре не носит случайного характера, а есть результат пробуждения культурного самосознания российского народа и ответ на возрождение культурно-исторической памяти.

Другим культурным слоем, во многом противостоящим приверженцам традиционализма в культуре, являются носители «либеральных взглядов». Российская культура в прошлом дала миру плеяду замечательных мыслителей либералов, которые сыграли очень важную роль в подрыве монархического мировоззрения в России и способствовали модернизации российского общественного сознания. Оставив заметный след в политике и культуре, но не имея серьезной социальной основы, либерализм изжил себя. Новый импульс для возрождения либерализма как идейно-культурного течения дала перестройка. На первом этапе существования постсоветской России, деятели либерального толка захватили главенствующие посты в государстве российском. Властный ресурс позволил им сформировать не только управленческие структуры, но и оказать влияние на культуру. Проведя шоковую реформу, сформулировав по-

столпы экономики рынка, они выдвинули идею коммерциализации духовной жизни и культуры. В этом заложено основное противоречие либеральной культуры. На месте человеческой нравственности и гуманизма появляется «мораль профессионала», где каждый сам по себе. Разумеется, новая либеральная культура по своему содержанию неоднородна, равно как и неоднороден либеральный слой нашего общества.

Еще одним культурным течением, все активнее проявляющегося в идейно-политической и духовной жизни общества, является консерватизм. Консервативное направление в культуре есть ответ на распад традиционной национальной культуры, на наметившийся разрыв между культурным идеалом, сложившимся на протяжении многовековой российской истории, и тем уровнем культуры, который стал обыденным в условиях либерально-демократических преобразований. Если охарактеризовать этот тип культуры, то он противопоставит модернизации в современной ее интерпретации, призывает к сохранению традиционно-архаической компоненты российского сознания, в том числе и с учетом положительного опыта.

В современной российской культуре особое место занимает религиозная культура. Ее роль в формировании мультикультуризма в современной России весьма значима. Она весома как по содержанию, ибо является частью культурно-исторического процесса, так и по распространению, что определяется поликонфессиональным состоянием российского общества.

Эти четыре культурных слоя, являясь главными и во многом определяющими культуру современного российского государства, не охватывают всех ее сторон. Имеется определенное число так называемых субкультур, которые чрезвычайно подвижны, могут быстро возникать и также быстро исчезать. Но не учитывать их наличие нельзя, поскольку они дают представление о полноте поликультурного развития российского общества. Кроме того, на отдельных этапах исторического развития они являются выразителями культурных крайностей, что сегодня видно на примере этнического национализма. Такова сегодняшняя реальность, и из этого надо исходить.

Так возможна ли в этих условиях мультикультуризма, конфессионального многообразия идентичность в обществе? Положительный ответ на этот вопрос опирается на обращение к историческому прошлому нашего отечества, к исторической памяти, которая является своеобразной «скрепой» морально-нравственных устоев российского общества.

В соответствии с этим, основой идентификационных процессов могут служить социокультурные ценности как выражение национальной энергии, без которой не может существовать сама российская государственность. К числу главных акторов идентификации, в первую очередь, относятся:

– Культурные традиции. Именно они олицетворяют совокупность достижений многонациональной российской культуры, сформированной на лучших достижениях и образцах народного творчества.

– Патриотизм. Любовь к Отчизне не раз были консолидирующим смыслом, объединяющим людей, поднимающих их на подвиги во имя защиты и освобождения, для создания благоприятных условий собственной жизни и добрососедства. Чувство патриотизма – залог выживания нации, позволяющий идентифицировать нацию в системе сложных многонациональных и государственных отношений.

– Историческая память. Условие прогрессивного развития личности и общества. Без осмысления прошлого невозможно в полной мере представить будущее, выстроить адекватный путь продвижения вперед. Вместе с тем историческая память идентифицирует членов общества, позволяет четко определить свою историческую и социальную принадлежность к формам общественного развития.

– Поколенческая преемственность. Отождествляет единство общества, социальный мир. Идентифицирует отношения к прошлому и настоящему, к системе пополнения знаний, к уважению младших к старшим, к этическим нормам.

– Завоевания художественной культуры и искусства. Идентификационный принцип, отражающий отношение к лучшим образцам народного, фольклорного творчества, произведениям литературы, живописи, музыки, зодчества. Выражает художественные потребности и вкусы, которые идентифицируют уровень культурного развития нации, ее многонациональные особенности, нашедшие отражение, в том числе, в произведениях и ритуалах религиозной культуры.

– Культурная безопасность. Идентификационный признак, получивший свой статус в последнее время. Определяет отношение членов общества к нормативам защиты культуры и формирует условия обеспечивающие безопасность для национальной культуры, противодействие худшим образцам массовой культуры, культурной пошлости и всеобщей коммерциализации культурного обслуживания населения. Это один из важнейших ценностно-нормативных признаков социокультурной идентификации.

Таким образом, социокультурная идентичность представляет собой комплекс социальных и культурных ориентаций и предпочтений, которыми субъекты и акторы культурной жизни наделяют себя и друг друга в процессе трансформации и модернизации жизненного пространства и тем самым идентифицируют социокультурную общность в институциональной и поведенческой сферах.

Г. В. ДРАЧ

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории культуры,
этики и эстетики ЮФУ
(г. Ростов-на-Дону)*

e-mail: culture@sfedu.ru

ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

Обращение к античности (древней Греции и древнему Риму) имеет давние и неистребимые корни, ее образами, метафорами и понятиями проникнуты литература и поэзия, философия и наука. Выявление специфики и уникальности европейской культуры начинается с античности, но лишь начинается. Если наука в ее технологической реализации, диктующей способность современных стран к конкуренции – результат уникального европейского опыта, то это вовсе не значит, что Европа изначально стала на этот путь. Новоевропейская культура, характеризующаяся рационализмом, индивидуализмом и прагматизмом – это особенность и уникальный результат длительного исторического развития. Античное стремление к славе и современное стремление к потреблению – это совершенно разные вещи. Античность провозгласила верховенство закона, прав человека и самоценность личности, но она не провозглашала самоценности богатства и потребления. Не случайно О. Шпенглер противопоставил культуру, как проявление жизни души, цивилизации, как окостенению духа.

В чем же особенности античной культурной традиции? Наука, в том виде, в каком создали ее греки (*theoria* – теория как способ рационального миропонимания и миропонимания) представляет собой результат уже свершившегося культурного переворота как той предпосылки, которая должна была воспроизводиться и модифицироваться в истории западной Европы, обеспечивая ее культурную целостность. Западный мир не столько отличается от Востока в своей полярности с ним, сколько несет ее в самом себе, в своем самосознании. Культура – это целый мир со своим своеобразием и неповторимостью, это единый космос, который составляют человек, общество (у греков – это одновременно и государство), природа и боги. Надо подчеркнуть, что античная

городская жизнь (город-государство) не отделяет человека от природы, что влияет на социальную психологию народа, формирует национальный характер и детерминирует направленность его практической деятельности.

Несомненно, в первую очередь античный город-государство (полис) вызывал и продолжает вызывать дискуссии в области социально-культурной, политико-правовой. Это не удивительно, ибо политика, право, социальное устройство – те вопросы, во имя которых трудился греческий гений, поскольку главной целью античной культуры и философии были человеческая самодостаточность, человеческое счастье, а полис для греков был их обязательным условием. Итак, культура – это и предпосылка, и среда, и условие для полноценной социальной жизни. Средоточием этой жизни был древнегреческий город – государство: здесь проходили заседания суда и ареопага, народные собрания, находились святилища и храмы богов, совершались религиозные шествия и празднества, наконец, находился театр, где давались представления – трагедии и комедии. Здесь, на городской площади (агоре) проходили дискуссии граждан, а рядом располагались гимнасии и палестры, где проходило обучение молодежи. И все же вчитаемся в работы М. Поленца – греческая жизнь полна сакрального, все оценки и аргументации опираются на волю богов. Город и его граждане находились под неусыпной заботой богов, «на коленях богов». Граждане города, их предки, покоящиеся в семейных усыпальницах, и боги, покровители и защитники города, составляли единую гражданскую общину.

Собственно говоря, суть античного культурного завещания: провозглашение приоритетов государственной жизни и верховенства закона как условия и предпосылки безопасности и процветания граждан. Граждане, атакующие собственную государственность, обрекают себя на бедствия и рабство. Вся греческая система воспитания, да и вообще вся жизнь греков, носила общественный характер, более того, они находили в этом, пожалуй, единственный способ личного самоутверждения, совершавшегося в постоянной борьбе («агоне»). Агонистика, стремление к славе – непреходящие ценности античной культуры. Тот мотив, который лучше всего передают греческие мифы, и изучение которого в исследованиях специалистов стало темой «греческого пессимизма» – скоротечность человеческой жизни рядом с полнотой жизни божественной. Греки видели божественные образцы и стремились к ним, но понимали их недостижимость. И все же было нечто такое, в чем греки, смертные, могли соперничать с бессмертными. Это была слава, «слава до небес». Это единственное, что могло обессмертить человека в памяти потомков, даже такая слава, как слава Герострата, сжегшего храм Артемиды. И еще, слава – это не только утверждение в памяти. Это и самоутверждение в настоящем, это те общечеловеческие критерии, которые сегодня мы заменили дипломами и удостоверениями. Для греков, для которых война была повседневным делом, слава, жизнь и смерть, свобода были основными экзистенциалами, окрашивающими их ментальность в цвета трансценденции.

В этой характеристике выражен весь агональный смысл Европейской культуры: постоянное соперничество, неудовлетворенность, но и как следствие этого, постоянное социальное обновление, культурное новаторство. Отсюда и вытекают основные темы античной (в какой то мере и всей европейской) культуры: «рационализм», «пессимизм», «ничего сверх меры», делающие возможным перелив культурных ценностей от военных к мирным, гражданским, провозглашение верховенства закона. Закон и свобода – это единственный способ или, по крайней мере, основной, посредством которого древний грек отличал себя от варвара. Не случайно закон в полисе – это не только социальная норма, но и форма индивидуальной рефлексии, самосознание индивида как полноправного гражданина. Впрочем, критикуя различные варианты объяснения греческого чуда и развенчивая выводы об исключительной наследственной одаренности греков (так же как и теории, основанные на ссылаях на выгодные географические и климатические условия жизни древних греков), мы считаем перспективным исторический аспект проблемы, что позволяет объяснить греческую культуру «в динамике ее развития», сопряжения с Христианством, Возрождением, Научной революцией, что и легло в основания Европейской культуры.

А. А. МЕКУШКИН

*Протоиерей, кандидат философских наук,
руководитель Отдела
религиозного образования
и катехизации
Ростовской-на-Дону епархии
Русской Православной Церкви
(г. Ростов-на-Дону)*

e-mail: andrey.mekushkin@me.com

ХРИСТИАНСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В настоящее время европейская культура вступает в эпоху постсекулярного общества, которое сталкивается с большим количеством духовно-мировоззренческих и социально-культурных проблем. Длительная история европейской культуры неразрывно связана с христианской религией в ее основных

формах – восточное и западное христианство. Поэтому вызывает беспокойство игнорирование христианских истоков европейской культуры, о чем свидетельствует, в частности, первый проект Европейской Конституции, согласно которому корни Европы – только наследие греко-римского мира и эпохи Просвещения. Но нельзя не признать тот факт, что христианство сформировало новые смыслы природы и человеческого бытия, в основе которых лежало оправдание творчества и свободы человека, что не могло не отразиться на всей европейской культуре. Практическое поле для своего воплощения христианская культура нашла в преобразовании природы, человека и общества, сформировав их новые смыслы, которые стимулировали развитие искусства, философии, социальных концепций, стали основой естественнонаучного и гуманитарного знания.

Игнорирование христианских истоков европейской культуры во многом связано с так называемой «болезнью толерантности», являющейся скрытой угрозой для общества. Толерантность сама по себе неплоха, но если в угоду толерантности христианство будут всячески принижать, то это, по меньшей мере, несправедливо, а в плане будущего Европы – преступно.

Известно, что последние несколько веков в истории Европы были ознаменованы усилением антихристианских, а фактически – анти- католических настроений. Реакцией на злоупотребления Католической Церкви в Средние века стала сначала Реформация, а потом эпоха Просвещения, Пафос антикатоличества до сих пор очень силен в протестантском богословии, а стремление освободиться от влияния Церкви очень сильно в европейском философском и политическом дискурсе. Именно с этим, генетически связано то отторжение и неприятие христианства, которое наблюдается у целого ряда политиков, готовых скорее открывать двери для ислама, чем признать реальную роль христианства в становлении европейской цивилизации в ее сегодняшнем бытии.

Конечно, нельзя сказать, что Европа перестала быть христианской, потому что большинство жителей Европы по-прежнему отождествляют себя с христианством. Но насколько серьезно они относятся к христианству не только как признаку своей культурной идентичности, но и как к своей вере, своему образу жизни? Много из тех, кто называет себя христианами, но мало тех, кто относится к христианству серьезно, а в этом и заключается разница между христианами и мусульманами. Для многих мусульман в Европе религия является не просто фоном их повседневной жизни: религия пронизывает весь их жизненный уклад, определяет их мировоззрение, диктует им нормы поведения в обществе, в быту, в семье. Христиане же в подавляющем большинстве стыдятся открытых проявлений своей религиозности.

Происходит явный перекося под предлогом политкорректности: чтобы не оскорблять чувства атеистов и неверующих, нужно спрятать все религиозные символы. Но почему их нужно прятать и почему запрет на ношение религиоз-

ных символов не считается оскорблением верующих, которых большинство в Европе, на этот вопрос никто ответа не дает.

Митрополит Илларион (Алфеев) вполне справедливо отметил, что наблюдая за тем, что происходит в Европе, все острее можно ощутить тот факт, что мы являемся свидетелями и в каком-то смысле виновниками заката великой христианской цивилизации. Происходит то, что происходило с Византийской империей в первой половине второго тысячелетия, когда ее границы постепенно сужались, и она медленно, но верно сходилась на нет, пока не рухнула под напором турецких полчищ. Тогда это происходило по причинам военно-политического характера, а сейчас то же самое происходит по причинам демографического характера.

Можно говорить о том, что христиане недостаточно серьезно воспринимают свою веру. Существует традиционное представление о семье, основанное на Библии и по-прежнему остающееся неотъемлемой частью нравственных установок в Католической и Православной Церквях. И не мусульман надо винить в том, что в их семьях рождается много детей, а христиан или псевдохристиан – за то, что они отказываются от традиционного понимания семьи и не воспринимают чадородие как благословение Божие.

Невозможно игнорировать христианские истоки европейской цивилизации. Более того европейская культура – это христианская культура, которая представлена историческими формами и традициями, фиксирующими религиозный опыт, и обладает определенными особенностями. Она характеризуется христианским влиянием на духовно-ценностные приоритеты всех форм жизни человека. Христианская культура формирует специфический органический мир, в котором доминируют жизненные и другие ценности, не отрицающие христианское учение и признающие его в качестве жизненной основы. В этом смысле христианская культура – основа удержания целостности европейской цивилизации.

Т. П. МАТЯШ

*доктор философских наук, профессор
кафедры философии религии
и религиоведения Южного
федерального университета
(г. Ростов-на-Дону)*

e-mail: tamara.matiash@yandex.ru

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
ЦЕННОСТЬ СУБЪЕКТИВНОСТИ:
КРИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ
РУССКИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ ФИЛОСОФОВ**

Историческими «вехами» становления субъективности, как одной из главных ценностей новоевропейской культуры, стали Реформация, Просвещение и Французская буржуазная революция. Так, Лютер «захотел, прежде всего, говорить прямо, говорить самому, говорить «бесцеремонно» со своим Богом» (Ницше); французская революция освободила индивида «от» диктата сословности, Церкви, монархии; Просвещение возвеличило субъективный разум, и культура Просвещения «поссорилась с религией и поставила ее *рядом* с собой или себя *рядом* с ней» (Гегель).

Идею субъективности одним из первых философски оформил Р. Декарт в принципе «*cogito*», а принявший с восторгом идеи Просвещения И. Кант придал субъективности статус верховной инстанции, призвав людей к мужеству «пользоваться собственным умом!» Наступление эры субъективности признал и Г. Гегель. Оценивая Декларацию прав человека и Кодекс Наполеона, он писал, что «право и нравственность стали рассматривать как основанные на человеческой воле, тогда как раньше они существовали только в виде полагаемой извне заповеди Бога, записанной в Ветхом и Новом Завете, или в форме особого права (привилегий) в древних пергаментях, или в трактатах». Религия, государство, общество, наука, мораль, искусство превратились на Западе в соответствующие воплощения *принципа субъективности и свободы воли*. Но и Кант, и Гегель понимали опасность для общественной жизни абсолютизации субъективности и свободы индивидуальной воли. Так, Кант признавал

необходимость ограничения свободы применения собственного ума «человеком на доверенном ему гражданском посту или службе». Гегель блокировал возможность опрокидывания индивидуализма в своеволие и вседозволенность, вменив разуму обязанность удерживать в очерчиваемых им границах свободное волеизъявление индивидов.

Первым, кто понял, что принцип «*cogito*» превращает прежде божественный мир в нечто установленное субъективностью, был современник Декарта Б. Паскаль: «Декарт ненужный и неопределенный. Я не могу простить Декарта: он очень хотел бы во всей своей философии обойтись без Бога». Именно Паскаль, а не Ф. Ницше первым возвестил, что наступила эпоха человека «без Бога».

Русские религиозные философы XIX – начала XX в., обсуждая возможность «приживления» западноевропейской идеи субъективности на почве русской культуры, естественно, сделали предметом своей критической рефлексии принцип «*cogito*» как главный принцип субъективности. Предпосылкой их теоретических размышлений была близкая Паскалю мысль, что принцип «*cogito*» явился результатом отказа Декарта признавать таинства бытия и жизни (Н. Бердяев), божественные таинства. Развитие идеи субъективности шло по пути асимптотического приближения к абсолютизации, что, в конечном счете, привело к признанию ее онтологической первичности, что не получило признания в русской религиозной философии. Первично в мире не *cogito* (познающее, мыслящее сознание), а «неразрывная совместимость «Я» с Богом», которая как первоначало «впервые конституирует, образует, творит» то, что есть «Я», – писал С. Л. Франк. Декартовское воззрение, согласно которому «*cogito*» исчерпывает собою все человеческое существование, есть «глубокое заблуждение и притом гибельное. Оно натворило безмерно много вреда не только в теоретическом самосознании философии, но в духовной жизни европейского человечества» (С. Л. Франк). Вред идеи «*cogito*» в «духовной жизни европейского человечества» задолго до С. Л. Франка понял П. Д. Юркевич, с точки зрения которого принцип «*cogito*» свел «Я» к логической мысли и тем самым «разорвал» единое живое существо, каковым является человек. Живая человеческая личность с индивидуальной внутренней жизнью уступила место господству рассудочного существа, то есть человека без веры и чувства «предстояния» (И. Ильин). Такой человек, как считал П. Флоренский, подпадет под власть феноменальностей, и, ориентируясь на суетную жажду устройства жизни «здесь» и «сейчас», исключит из своего мировоззрения вопрос о смысле жизни. Время бытия перестанет соотноситься с вечностью, и восторжествует «онтологическая пустота», в пространстве которой деятельность человека превратится либо во внешне-полезную (достижение ближайших корыстных целей), либо во внешне-развлекательную (забаву, искусственное заполнение времени). Доминирование субъективности неизбежно приведет к отказу от

традиций, формированию «цивилизации молодых», в которой к старшему поколению (традиции) молодые (сыны) будут относиться как к помехе для своих дерзаний и вседозволенности (Н. Федоров). Удивительный по своей предсказательной силе портрет людей, уверовавших в абсолютную ценность субъективности, раньше Федорова нарисовал К. Леонтьев. Самоуверенные и заносчивые, ориентированные на требование всякого равенства (экономического, политического, умственного, полового и т. д.), на удовлетворение сиюминутных потребностей, на бесконечное отстаивание своих прав и свобод, природу и суть которых они не будут знать, они, по прогнозам Леонтьева, сформируют этику, свободную от всяких мистических начал. Им будет свойственно убеждение, что жить по капризу и произволу своей натуры, ее ненасытных и неразумных потребностей вполне морально. Они с воодушевлением примут либеральную идею, а потому разучатся подчиняться власти. Вопросы укрепления государства, сохранения национальной культуры перестанут волновать их совесть, и их будет трудно воодушевить государственной идеей.

Особенную опасность, как считали русские религиозные философы, представляют принадлежащие ориентированным на господство субъективности людям идеи преобразования общества. Смысл этой опасности С. Л. Франк показал на примере русских революционеров-демократов. Усвоив идеи западноевропейского субъективизма, они в своих стремлениях перестроить общество и мир в целом, пытались «найти опору для человеческой жизни не в вечных и универсальных сверхчеловеческих, абсолютных началах, а в человеческих («слишком человеческих») потребностях». Но за пределами «вечных и универсальных», «сверхчеловеческих абсолютных начал» и законов, т. е. в мире «онтологической пустоты» люди никогда не смогут договориться друг с другом, они обречены на вечную борьбу принципов, идей, что на практике, как правило, оборачивается кровопролитием.

Но эти предостережения против опасностей, которые несет идея субъективности, не были услышаны русской интеллигенцией, которую, как пишет К. Свасьян, всегда характеризовала «торопливость и рвение быть больше Европой, чем сама Европа когда-либо могла и хотела быть».

К. В. ВОДЕНКО

*доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и культурологи ИППК ЮФУ
(г. Ростов-на-Дону)*

e-mail: vodenko-kv@rambler.ru

ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА И НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ М. К. ПЕТРОВА

Представляется необходимым обратиться к изучению европейской культуры в контексте идей ростовского мыслителя М. К. Петрова, которые, в частности, изложены в его книге «История европейской культурной традиции и ее проблемы». Центральным понятием книги, выбранным автором для характеристики развития европейской традиции является понятие «онаучивание» общества как особой формы накопления и использования его интеллектуально-го и социального опыта. Хотя семантика термина прозрачна, многие коллеги, знакомившиеся с рукописью книги, принимали его с трудом, утверждая, что его содержание гораздо удачнее передается другими терминами или в описательной форме. И только в начале XX в. выяснилось, что у нас отсутствует эквивалент для перевода сочетания «knowledge based society»; но, главное, вместе с термином мы потеряли содержание и ровно на тот же интервал отстали в исследовании одной из проблем современности.

Достаточно четко выделен другой главный концепт книги – «наука», точнее – наука, развитие которой мы исследуем в настоящее время. В концепции М. К. Петрова речь идет о феномене, описываемом этим термином в науковедении, т. е. об институте европейской науки, сформировавшемся в общих чертах к XVIII в. В истории известны и другие, в разные периоды успешные, способы институционализации познавательной деятельности, такие как китайская, арабская, индийская наука и т. п. В этом смысле европейская наука – лишь одна из многих попыток общества сделать познание инструментом своего развития, «только один из диалектов-жаргонов общечеловеческого языка познания».

Согласно М. К. Петрову, институт науки послужил краеугольным камнем для формирования фундамента гражданского общества – института свобод-

ной профессии, приобретающего с течением времени все большее значение в социально-экономическом развитии. Совершенствование этого института объясняется постоянным поиском и использованием в науке социально-организационных инноваций, в первую очередь – адаптацией организационных схем и механизмов, особенно схем эффективной коммуникации, накопленных в других областях социальной жизни. Благодаря этому научная профессия обретает недюжинную пластичность, развиваясь в самом различном политическом, экономическом и организационном плане – в американском университете, в католическом колледже, в советском НИИ.

Идею, согласно которой в христианской теологии содержался импульс к порождению опытного новоевропейского естествознания, разрабатывал М. К. Петров в его труде «Язык. Знак. Культура». С его точки зрения, европейская наука не могла возникнуть на пустом месте и не могла быть простым заимствованием с Востока. Поэтому М. К. Петров утверждал, что «китайские по происхождению компас, порох и даже, по данным Нидама, пушки, если убрать из-под них палубу морского корабля, этого истинно европейского изобретения, столь же мало объясняют причины и успех географической экспансии Европы, как и того же происхождения бумага, печатный станок, экзамены, если убрать из-под них палубу христианского ковчега спасения, церковного нефа, объясняют причины и успех духовно-познавательной экспансии Европы».

В основе модели генезиса науки М. К. Петрова лежала идея «о единой дисциплинарной природе философии, теологии и науки». Теоретическое знание всегда представлялось в форме дисциплинарности, обеспечивающей аккумуляцию, трансляцию и модификацию знания. Теоретичность и дисциплинарность выступают как две стороны одного явления, как характеристики мышления и деятельности. Выделяя линии демаркации философии, науки и теологии, М. К. Петров отмечал, что философия отличается от теологии и науки тем, что она не имеет процедуры верификации. Эта черта философии сближает ее с любой «чистой» наукой, которая вынуждена ограничиваться внутренними критериями совершенства (полнота, непротиворечивость, простота) и когерентным понятием истины. Теология отличается от науки тем, что ее верифицирующая процедура обращена в прошлое (к священным текстам). Верифицирующая процедура науки обращена в будущее, на предмет исследования. «В науке правило запрета на дублирование результата распространено и на процедуры верификаций, так что, обладая предмет науки текстуальной природой, ученому было бы запрещено вторично возвращаться к тем местам текста, которые уже цитировались ради сообщения результату истинности». В теологии же правило запрета на повтор не распространяется на процедуры верификации: ссылка на священный текст делается без учета на более ранние ссылки. Таким образом, в теологии операции объяснения (т. е. введения результата в систему дисциплинарного знания) и верификации (независимой от прошлого знания проверки результата) наложены друг на друга и совпадают, а в науке единство объясняющих и верифицирующих процедур расщеплено

на две операции: по относительно дисциплинарному времени (объяснение обращено в прошлое, а верификация – в будущее) и по астрономическому времени (верификация предшествует объяснению).

Философия, став теологией, приобрела процедуру верификации, которой у философии не было. Верификационная составляющая теологии превратила ее в самостоятельную, независимую от философии дисциплину. В дальнейшем, когда предмет теологии был понят как текст, теология в попытках освоить такой предмет превратилась в экспериментальное естествознание. Итак, согласно М. К. Петрову, путь к науке может быть определен как трансформация дисциплинарной деятельности, которая появилась впервые «у греков в форме философии, оторвалась от номотетической эмпирии, получила собственную опору в виде абсолютизированного текста Библии и предстала в форме теологии с тем, чтобы в XVI–XVII вв. вновь вернуться в возможной эмпирии планируемого эксперимента и предстать в форме опытной науки».

Г. А. МАТВЕЕВ

*кандидат исторических наук,
профессор кафедры истории Отечества
и кавказоведения ИППК ЮФУ
(г. Ростов-на-Дону)*

e-mail: istoriya@ippk.sfedu.ru

Ю. А. ЖДАНОВ
О МОДЕЛЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Актуальность данной темы в современном российском и мировом сообществе обуславливается нарастающими процессами глобализации, увеличивающимися масштабами и интенсивностью миграции населения планеты. В этих условиях происходят столкновения и конфликты в усложняющемся обществе различных этнокультурных норм и ценностей. В этих обстоятельствах исторически сложившаяся мультикультурность российского общества, как и других мировых сообществ, подвергается новым испытаниям и вызовам. В связи

с этим, теряют свою эффективность, подвергаются критике и эрозии исторически сложившиеся модели культурного взаимодействия народов внутри отдельных стран, такие, как «плавильный котел», мультикультурализм.

Для России, географический и геополитический статус которой определяется как евразийский, соединяющий культуры народов Европы и Азии, первостепенное значение имеет анализ опыта межкультурного взаимодействия народов как Запада, так и Востока.

Чтобы наш анализ был корректным, необходимо определить опорные понятия. Существует несколько исторически сложившихся моделей межкультурного взаимодействия народов в пространстве отдельных стран мирового сообщества. Это модель «плавильного котла», характерная прежде для США, а также в определенные периоды для Франции и Израиля, стержнем которой являются процессы ассимиляции, т. е. слияния одного народа, его культуры с другим, утрата одним из них своего языка, культуры, самосознания. В основе модели мультикультурализма, «лаборатории этносов», которая культивировалась во второй половине XX в. в ведущих европейских странах, – принцип плюрализма, культурные процессы интеграции, нацеленные на обеспечение сосуществования различных этнокультур в контексте единого социокультурного пространства страны при сохранении их культурной самобытности и толерантного, в идеале, взаимодействия различных национальных культур.

В ограниченном пространстве дискуссии в рамках «круглого стола» представляется важным обратить внимание на позитивный опыт, накопленный в рамках культурного взаимодействия народов стран Запада и Востока, на уроки этого опыта, которые могут быть полезны в разрешении проблем межкультурного взаимодействия народов современной России.

Анализируя опыт межкультурного взаимодействия в странах Европы, следует отметить, что в отличие от России, большинство крупных европейских стран длительный период развивались как мононациональные и моноконфессиональные сообщества, и только во второй половине XX в. в результате резкого усиления миграционных потоков такие страны, как Франция, Германия, Великобритания стали стремительно терять свою этнокультурную однородность, в них появились крупные анклавы народов неевропейского происхождения (арабы, североафриканцы). Уже сегодня третью часть населения Парижа, четвертую часть Берлина, пятую часть Лондона составляют иностранцы неевропейского происхождения.

Либеральная политика мультикультурализма, в рамках которой под флагом культурного плюрализма спонсировались, поддерживались языковая и культурная самобытность народов, прибывших в эти страны в результате миграционных потоков, стала подвергаться резкой критике, давать сбой, поскольку на практике способствовала не становлению чувства общей идентичности, а напротив, «отделению», автономизации новых национальных общин от коренного населения. Они не принимают образ жизни, ценности, правовые нормы новой для себя страны обитания, часто противопоставляя свои

обычаи, традиции нормам и ценностям местного населения, вызывая в ответ ксенофобскую реакцию, недовольство, провоцируя конфликты на конфессиональной и этнокультурной почве.

Учитывая нарастание этих негативных тенденций, правительства европейских стран стали пересматривать политику мультикультурализма с целью усиления процессов интеграции вновь прибывших национальных меньшинств в культурное, политическое и правовое пространство страны (вводятся обязательные курсы по изучению иностранцами языка, конституционных и других правовых норм, городского образа жизни и т. п.).

Учитывая отличия этнокультурной истории России от большинства европейских стран, которые состоят в том, что в современной России, а тем более в ее прошлом, основные проблемы заключались во взаимодействии ее коренных народов, в связи с этим негативный и позитивный опыт европейских стран в разрешении соответствующей проблематики может использоваться селективно. Вместе с тем, некоторые уроки европейской политики мультикультурализма нам также следует учесть. Это, прежде всего, недопустимость компактного поселения вновь прибывших мигрантов в городах и сельской местности. Необходимо разумно определять миграционную политику с тем, чтобы не создавать такого рода компактных анклавов в инонациональной среде, расселять их в домах муниципального фонда, смешивая с коренными жителями страны. Важно также усилить внимание к изучению мигрантами русского языка, как языка межнационального общения в России, правовых норм и традиций российского общества.

Ученые востоковеды считают, что для нашей страны еще более полезен опыт межкультурного взаимодействия в странах Востока, ряд из которых по своей исторически сложившейся этнокультуре населения гораздо в большей степени сходны с Россией, чем страны Запада. В частности, полезен для нашей страны опыт культурного взаимодействия такой страны, как Индия, в которой практически все населяющие ее этносы и конфессии – местные. Политическая модель культурного взаимодействия в этой стране выражается в формуле «единство в многообразии», опирается на опыт выработки взаимоприемлемых условий сосуществования, взаимодействия и разрешения конфликтов, пресекая любые претензии представителей какой-либо конфессии или этноса на доминирование и исключительность.

В России исторически сложились благоприятные возможности для взаимодействия, взаимопроникновения, синтеза культур разных народов. Ю. А. Жданов в своих работах отмечал, что в России исторически сформировался «дух культурного сосуществования» разных этносов. Важным потенциалом русской культуры, продуктивным для взаимодействия с другими национальными культурами, он считал исторически сложившийся в ней синтез культурных традиций и ценностей Запада и Востока, равновесие западной и восточной культурной традиций. Другой чертой русской культуры, важной

для продуктивного межкультурного взаимодействия, Ю. А. Жданов полагал присущую ей всечеловеческую открытость, ее обращенность в будущее. Гениальное воплощение и олицетворение этих начал русской культуры он видел в творчестве А. С. Пушкина и М. А. Шолохова.

Ю. А. Жданов критически относился к модной на Западе в 70–80-е гг. XX в. идеологии мультикультурализма, направленной на искусственную консервацию национальных традиций и ценностей, считая гораздо более важным и перспективным создание условий для свободного демократического развития каждой национальной культуры, для их взаимодействия и взаимообогащения. Он убедительно показывал впечатляющие достижения этого взаимодействия на материалах взаимовлияния русской культуры и культур народов Кавказа. Важнейшей предпосылкой поступательного движения такой многонациональной страны как Россия, Ю. А. Жданов считал интеграцию ее народов и других социальных групп путем приобщения их к ценностям и нормам, общим для всех членов общества, интенсивное взаимодействие национальных культур через системы образования, средств массовой коммуникации, различных организационных мероприятий.

Эти мысли Ю. А. Жданова не потеряли своей актуальности на современном этапе развития российского общества, когда магистральным направлением его политического и социокультурного развития является формирование гражданской российской нации. В этом отношении принципиально важен тезис, сформулированный академиком В. А. Тишковым, о том, что в связи с необходимостью решения этой стратегической задачи следует акцентировать внимание в политической и идеологической работе, в национальной политике не на этнокультурных различиях народов нашей страны, а на объективно сложившихся чертах общности, которые объединяют все народы России. Об этом свидетельствуют факты: треть населения нашей страны – потомки смешанных национальных браков, билингвизм и полилингвизм большинства народов, т. е. знание наряду с родным языком русского языка и языков других соседних этносов, общие черты образа жизни, культуры, ценностных ориентаций, которые выделяют россиян, когда они оказываются за рубежами нашей страны.

Перспективным магистральным путем этнокультурного взаимодействия народов России представляется путь не ассимиляции, а взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения культур ее народов, обеспечения права и комфортных условий свободного выбора каждым членом общества своей национальной, этнокультурной идентичности.

М. И. БИЛАЛОВ

*доктор философских наук,
профессор Дагестанского
государственного университета
(г. Махачкала)*

e-mail: mibil@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В ЕВРОПЕ И ИСЛАМ

Вопреки устоявшимся и почти неизменным поныне взглядам о нетерпимости мусульман к иным верованиям и ценностям, мусульманство активно шло на диалог изначально. Как считают исследователи, «ислам и его местные апологеты никогда всерьез не ставили себе задачу полностью вытеснить из сфер жизни старые верования и культуры. И дело не только в том, что эта задача была им не по плечу, а в том, что мусульманская религия с самого начала своего формирования шла на компромисс, на приспособление части местных религиозных традиций к своим догматическим и шариатским устоям». Говоря о стадиях развития ислама, С. Прозоров описывает третью его стадию как связанную с внедрением «на более высоком уровне в сознание населения «периферийных» регионов мусульманского мира и со сложением местных форм его бытования. Народы с иными культурными традициями, включившись в духовную жизнь мусульманского мира, привнесли в ислам свои религиозно-этические представления, правовые нормы, обычаи. Шел диалектический процесс взаимовлияния ислама «теоретического» и «бытового», «официального» и «народного». . . Этот процесс привел к тому, что в крупных регионах. . . ислам приобрел специфические черты. На наш взгляд, одним из результатов таких спецификаций предстает суфизм – конкретно-исторический мистический вариант ислама.

Важнейшей экуменистической и синкретичной интенцией суфизма выступают иррационализм и мистицизм. Основное достоинство иррационализма – расширение сферы познавательных способностей за счет вывода их за пределы сознания, подключения бессознательного. А что касается мистицизма, то считается, «что феномен религиозного мистицизма проходит через

© **Билалов М. И., 2014**

стадии становления и развития древних структур народного самосознания, а затем сохраняется как архетип мистицизма в структуре религиозно-системного сознания, выполняя функции фенотипа». То есть, суфизм акцентирует внимание на содержательной ценности мистического, как наличествующего в истоках и глубинах религиозного. Вот почему, и иррационализм, и мистицизм, как фундаментальные обретения суфизма, – зачастую основа сближения различных культур; в частности, мистицизм в рамках христианской и мусульманской культур выступает определенной концептуальной схемой, ме-такультурным ориентиром.

Иррациональное в суфизме становится предметом особой заботы, его добиваются и духовным совершенствованием личности, и ритуальными физическими навыками экстатического поведения. Это оставило глубокую традицию у северокавказских народов. Нам представляется, что иррациональность суфизма – особо значима в цивилизационных перспективах северокавказских этносов. Она в унисон мировой тенденции современной культуры – ее иррационализации, подчеркиваемой в постмодернистской философии. Выдвигая духовные основы жизни на первый план (своеобразный средневековый вариант социального бытия), методология постмодернизма заостряет внимание на иррационализации человеческого духа. Тенденция эта, универсальная для человеческого духа (наряду с рационализацией), набирает новое дыхание еще с конца XIX в., усиливается в XX и в начале XXI в. Ее доминированию в мировой культуре послужил поворот науки к неклассике и постнеклассике. Иррационализация современной познавательной культуры глобализирующегося общества под влиянием строгой некогда науки осуществляется философско-методологически обоснованно. Современная научно-философская методология допускает конструирование результатов наукотворчества как компоновку интуитивно очевидного, непосредственно наблюдаемого и высокоабстрактных интересубъективных познавательных образов. Происходит когнитивная инфляция сферы производства знаний, когда в результате функциональной деконструкции «структуры «фабрики знаний» происходит глобальная ревизия ценностей и элиминация «культурных механизмов знаниевого производства».

Возрастание значения компьютерных технологий способствует также иррационализации методологического аппарата науки. Формирование технократического мышления нарушает гармонию между рациональным и чувственным в ущерб рациональному. Возрастание роли интеллектуальных технологий на базе компьютерной обработки информации связано с ростом потребности не только в теоретическом знании, но из-за его недостатка – в обыденном знании, и даже гносеологически сомнительном знании. «Центральным изменением новой формы производства знаний является подключение ненаучных знаний» (В. Г. Горохов).

Таким образом, понимание сущности человека видными философами XX в. как иррациональной, ориентированной на удовлетворение психологи-

ческих потребностей, на рубеже веков и тысячелетий усиливается иррационализацией человеческого мышления и поведения как мировой тенденцией глобализации. Эта тенденция обретает благоприятную ментальную и интеллектуальную почву в регионах суфийского ислама. Не потому ли Россия (и Северный Кавказ в том числе) входит в более обширное цивилизационное образование, в котором, по мнению некоторых исследователей, «ценностные ориентации... всегда преобладают над целевыми, поэтому западная рациональность отсутствует... Коллективность, в том числе этничность (а не западный национально-государственный подход) здесь является органичной, преобладание мировоззренческих подходов над научно-технологическими – безусловным» (В. Г. Федотова).

А. Ю. ШАДЖЕ

*доктор философских наук,
профессор Адыгейского
государственного университета
(г. Майкоп)*

e-mail: shadzhe@maykop.ru

КАВКАЗСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В каждой культуре как сложной саморазвивающейся системе, говоря словами В. С. Степина, формируются особые информационные структуры-коды, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти информационные структуры-коды определяют способы воспроизводимости системы как целого. Такими информационными структурами в культуре являются ее базисные ценности и смыслы, которые формируют человека.

Кавказская культура является сложным феноменом. Традиционные ценности на Кавказе принадлежали другой культуре, не совпадавшей ни с русской, ни с европейской. Однозначно понять эти ценности и смысл кавказской культуры сложно.

Вспомним классический XIX в. Иностранцы и русские мыслители, побывавшие на Кавказе, «открывали» и пытались понять этот регион через кавказскую культуру, ведь история Кавказа является отражением его культуры. Они восторженно описывали в своих воспоминаниях необычайную душевную щедрость горских народов, восхищались традиционной культурой горцев, манерой их поведения, называя ее «рыцарской», подразумевая средневековый западноевропейский этикет, особенности стиля жизни, поведения, а также этническую психологию кавказцев – свободолюбие, гордость, создававшие особый миропорядок. Причем, сохранение традиционного миропорядка позволяло не только сохранить самоуважение, но и определяло логику поведения горцев, выступало, своего рода, ограничителем поведения человека.

Следует отметить также, что пониманию Кавказа, выявлению смысла кавказской культуры в XIX в. способствовала российская культура и российская литература. Через российскую культуру открывались миру традиционные ценности кавказской культуры: понимание смысла свободы и справедливости, ценности прошлого в кавказском сознании, традиционно занимавшее доминирующее положение в системе ценностных приоритетов кавказца. Все это определяло диалогичное отношение к природе, формировало экологическое мировоззрение, отражалось на отношениях между людьми, поведении в обществе и в семье. Российская литература формировала кавказский имидж. Мужество, героизм, благородство горцев, воспетые А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Л. Н. Толстым, помогли выявить сущность культурной самобытности и самой кавказской культуры.

Сегодня налицо разительные изменения, происходящие в каждой культуре. Это касается и европейской, и российской культуры, а также кавказской. Среди множества причин этих изменений, безусловно, главными являются ценности и смыслы, которые значимы для каждого человека и народа, поскольку они определяют отношение человека к миру / происходящим событиям, а также являются ориентирами и регуляторами его поведения. В этом контексте можно говорить, что современная культура переживает кризис.

Современная кавказская / северокавказская культура не может формировать человека – носителя фундаментальных ценностей. Это проявляется в отношениях к природе и между людьми, изменении семьи. Смее утверждать, что под влиянием техногенной цивилизации коренные ценности, исторически формировавшиеся в кавказской культуре, оказались размытыми. Неопределенность в современных условиях оказывает пессимистическое влияние на молодежь. Для многих представителей кавказских этносов становится престижным / необходимым научиться «крутиться», а не работать. Налицо элементы варварства, проявляющиеся в условиях современной цивилизации.

Поэтому встают вопросы: каков наш ценностный мир сегодня? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с нашей культурной памятью?

Каждый народ задумывается над этими вопросами. Ответы на них связаны с фундаментальными ценностями культуры, поскольку рациональное осмысление и адекватная интерпретация общества возможны только через культуру.

Руководствуясь этим положением, можно исследовать и понять проблемы современного Северного Кавказа: социально-экономические, политические и духовные. Подчинив решение материальных проблем духовным / культурным, можно спасти свою идентичность, свое «мы», сохраняя в себе множество культурных ценностей и идентичностей.

В поисках «ответа» на «вызовы» современности многие авторы обращаются к нормам и законам – Хабзэ. Понятно, что этот социокультурный институт в том виде, в каком он исторически формировался, не может быть возрожден. Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что он может быть рассмотрен в условиях современности лишь в «снятой» форме. К этому феномену следует подходить с учетом возможности выявления нового социокультурного смысла и ценностей в условиях современного общества. Это сложно, но важно.

Кавказ / Северный Кавказ сегодня становится более открытым, диалогичным. Его будущую новую социокультурную идентичность предсказать трудно. Конфигурация идентичностей в кавказском / северокавказском обществе, безусловно, изменится, и будет формироваться новая шкала ценностей, соответствующая открытости и диалогу культур. Однако хочется надеяться, что интеллектуальный потенциал региона с учетом социокультурных процессов, происходящих сегодня на Кавказе, может способствовать сохранению ядра кавказской культуры. Из этого не следует, что кавказская культура должна жить только благодаря традициям или прошлому опыту. Наоборот, это означает, что в процессе саморазвития она будет усваивать новые формы культурных ценностей в рамках транснациональной культуры. Более того, повторю свою мысль: стать гражданином мира можно и нужно, оставаясь носителем разных культурных традиций и социокультурных практик.

*Обзор материалов «круглого стола»
по поручению редакции журнала подготовил
доктор философских наук, профессор*

К. В. Воденко